

18+ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ
МИШАНИХИН

На берегу Хопра

РАССКАЗЫ

Михаил Мишанихин

На берегу Хопра. Рассказы

«Издательские решения»

Мишанихин М. С.

На берегу Хопра. Рассказы / М. С. Мишанихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746694-7

Рассказы о жизни двух населённых пунктов верховья Хопра, местности, которую не без основания величают Крымом Московии. Основаны на реальных событиях.

ISBN 978-5-44-746694-7

© Мишанихин М. С.
© Издательские решения

Содержание

Небольшая историческая справка	7
Дикое поле	10
Свой	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

На берегу Хопра Рассказы

Михаил Сергеевич Мишанихин

395-летию Беково посвящается

Дизайнер обложки Михаил Мишанихин

© Михаил Сергеевич Мишанихин, 2025

© Михаил Мишанихин, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4474-6694-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Есть в Центральной России распрекрасные места, по которым несёт свои воды батюшка Хопёр. Неспешна равнинная река, красива и скромна. Не кричит на всю округу, открывая свои красоты только внимательным глазам

Возродившись десять тысяч лет назад, Хопёр неизменно питает реку Дон, являясь его крупным притоком. Своенравна бывает река, русла меняет нередко, оставляя в пойме старицы. По историческим данным раз в сотню лет разливается летом шире весеннего половодья. Это сегодня, когда больше десятилетия стоят сухие годы, она стала мелководной, а ещё в начале двадцатого века разливалась в верховьях до восьми километров.

Расселяясь с низовья по Дону, казаки не могли упустить из вида и эту реку. Рассматривая средневековые карты, мы ясно видим в месте слияния рек город Хопёр (Choreor). Конечно же исследована была и сама река, но станет ли кто заносить на карты мелкие поселения. Однако курганы и могильники говорят о том, что данная местность давно и активно использовалась для жизни.

В этом сборнике рассказывается о двух населённых пунктах верховья Хопра – Беково и Нарышкино. Данную местность Александр Бекович-Черкасский называл Бековщиной, а князь Нарышкины – Конобеевской волостью. Позже, в конце девятнадцатого века заграничные гости, отдыхающие в Устиновской кумысолечебнице, назовут эти места Крымом Московии.

Не вижу необходимости повторять во вступительной части исторические изыскания других авторов, поэтому предлагаю перейти к произведениям. Они носят художественный характер. Некоторые персонажи являются историческими личностями. Короткая информация о них находится в сносках. Все действия, описанные в рассказах, имели место и время быть.

Приятного чтения.

Небольшая историческая справка

Беково. Первое упоминание относится к 1621 году. В то время эти края Прихопёрья известны как Хопёрский бортный ухажай, о чём имеется запись в документах Шацкой крепости. «Учёные мужи», цепляясь за неё, утверждают, что Шацкие служилые люди, именно они населяли крепость и её окрестности, основали поселение Озёры. Но имеются сведения, что в верховьях Хопра промышляла иная группа бортников Верхнеценской волости из села Конобеево¹ и деревни Пеньки.

Через полвека в Озёрах строится церковь и они становятся Никольскими по уряду церкви во имя Николая Чудотворца.

С 1691 года селом, как и большой территорией по Хопру, владеет дядя царя Петра Лев Кириллович Нарышкин, но по какой-то причине в 1700 году он продаёт Никольские Озёра Козьме и Кондратию Бибиковым, братьям царского стольника Якова.

В 1723 году село покупает князь А. А. Бекович-Черкасский. Он переименовывает его, запечатлевая имя своего отца, сподвижника Петра I Александра Бековича-Черкасского² в названии Беково (Бековщина).

В 1783 году владельцем села становится генерал С. П. Мельгунов, а в 1790 году село Беково переходит по купчей в руки помещицы А. А. Дурасовой и её супруга, генерал-лейтенанта русской армии Михаила Зиновьевича Дурасова. Она строит на берегу хопровского затона усадьбу в классическом стиле и дом с башней.

На этом список владельцев не заканчивается. В 1800 году село вместе с усадьбой покупает Михаил Адрианович Устинов. В 1813 году тщанием помещика и прихожан строится церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы³.

Проживая в основном в губернском Саратове, Устинов в 1830 году отдаёт село сыну Адриану, и тот с присущей ему деятельностью занимается развитием Беково, перенеся в первые же годы дурасовский замок на новое место. До прихода сюда Устиновых, выходцев из купеческого сословия, Беково славится в округе своей ярмаркой. Адриан Михайлович выводит её на иной уровень. Среди трёх больших ярмарок Саратовской губернии Покровская становится привлекательнее и оборотистее Иоанновской (Рудня Камышинского уезда) и Троицкой (Дубровка Царицынского уезда)⁴. Ярмарка играет важную роль в развитии села и хозяйства Устинова, принося ежегодный доход, в разы превышающий барщину и оброк.

Пятьдесят три года владеет селом Адриан Михайлович. За это время здесь появляются оранжереи с тропическими растениями (помещик увлекается растениеводством), Белый гостинный двор (1840 год, здание сохранилось), винокуренный завод, церковно-приходская школа, государственный банк, элеватор, пожарная каланча (где сейчас находится улица Бассейная, был водосбор и резервуар), железнодорожная ветка и вокзал, кумысолечебница с дачами и курзал (для больных туберкулёзом), где лечились и отдыхали магнаты из Финляндии, Германии, Польши. Они-то и называли Беково Крымом Московии.

В конце жизни Адриана Михайловича и после его смерти активно проявляет себя его сын Михаил. При нём открываются двухклассная министерская школа, женское и 2-хклассное мужское училища.

¹ кстати, будучи владельцами большой территории, князья Нарышкины называют эти земли Конобеевской волостью

² Девлет Киздем Мурза до крещения

³ В короткий срок к этому престолу добавляются ещё два: во имя Архистратига Михаила и во имя Николая Чудотворца

⁴ сейчас Волгоградская область

В 1913 году вдова Михаила Мария Алексеевна Устинова (урождённая Серебрякова) продаёт усадьбу и кумысолечебницу купцу П. П. Макарову, который в 1917 году передаёт их советской власти.

Нельзя обойти стороной и тот факт, что Устиновы и Макаров не относятся к людям, поражённым стяжательством. В 1877 году во время Русско-Турецкой войны Устиновы организуют на территории имения лазарет. Макаров, передавая владения в Беково и Нарышкино, рекомендует их под больницу. В годы Великой Отечественной войны в зданиях Устиновской усадьбы и в усадьбе Макарова в Нарышкино действует эвакуогоспиталь.

В XX веке Беково из волостного села становится районным центром.

Нарышкино. Через лесок да озеро от Беково, на берегах оставленных Хопром озёр началось другое поселение. Как и соседнее, оно не менее яркое, но его отличает присущие Хопру воля и своенравие жителей.

До активного обживания знатными вельможами Московии хопровских мест данная местность относилась к Дикому полю. В Описи дел Астраханской духовной консистории есть запись: «... как о местностях, лесах чуть не муромских, жителях селений, отличавшихся как в Беково, грабежами и убийствами». Разве можно говорить о разбойничьих нравах жителей, если речь, возможно, идёт лишь о недопущении к своему дому, о сопротивлении войти под власть нестабильного государства.

После Соборного Уложения 1649 года и церковной реформы патриарха Никона множество крестьян северных территорий бежит на юг. «Беглецы шли лесом, кружными путями, стараясь обходить засеки. Группы беглецов шли до Оки и далее по этой реке с притоками выходили на верховья Хопра, а далее по правому берегу, „русской стороной“ уходили на Дон»⁵.

Дон, как известно, был шансом на новую жизнь. Являясь центром вольности, он и на притоки свои распространял эту атмосферу. Кем бы ни был добравшийся в эти места человек, он оставлял за спиной прежнюю жизнь. Но не дай ему Бог начать куролесить. Судили таких по своим «диким» законам.

Как известно из бековской части данной справки, с началом XVIII века князь Нарышкин распродают свои некоторые земли в Конобеевской волости, но этот уголок оставляет, и между 1705 и 1720 годами здесь появляется село, в начале именуемое как Юшино или Юшин посёлок, но в скором времени, обретя церковь, называемое Богоявленским. Относится к тому времени и название села Миткерей, что определённо наводит на размышления.

Князья Нарышкины владеют селом вплоть до конца XVIII века, когда Е. К. Апраксина продаёт его графу Кулешеву-Безбородько. Во второй половине девятнадцатого века на краю села со стороны Беково строит усадьбу купец Павел Платонович Макаров.

Сами же жители села занимаются разведением скота (овцы, лошади), сельским хозяйством, охотничьим промыслом, торговлей (собирают базары не скромнее бековских), различным ремеслом, не ощущая над собой суровости владельцев, которые проживают в Петербурге (Нарышкины) или в Малороссии (Кулешев-Безбородько).

В 1877 году село Нарышкино становится волостным центром, насчитывает 414 дворов, имеет церковь, богадельню, лавку, в полутора верстах – поташню. К концу XIX – началу XX веков прибавляется несколько мельниц, крупорушка, кожевенный завод, а так же школа.

В двадцатом веке жизни Беково и Нарышкино переплетаются сильнее. Лесок между ними превращается в жилую зону (к началу XX века Нарышкино активно растёт). При организации на территории села Нарышкино в 1950 году⁶ колхоза имени Сергея Мироновича Кирова,

⁵ Селиванов Дмитрий Юрьевич «История Беково»

⁶ до этого в Нарышкино действуют два колхоза

в него входит бековская бригада. В 1985 году уже само Нарышкино становится микрорайоном районного посёлка Беково.

Но до сих пор атмосфера в этих населённых пунктах разная. Беково остаётся торговым центром и настроение бековчан ближе к людям курортных зон. Верно, сказывается длительное влияние санаторной деятельности поселения – кумысолечебница, затем на территории Устиновской усадьбы действует пансионат для инвалидов Гражданской войны, а после офицерский Дом отдыха. А Нарышкино – по-прежнему самобытный уголок, в котором явственно ощущается дыхание милой сердцу, по родному уютной русской деревни.⁷

⁷ Более подробная информация ждёт тебя, читатель, в Бековском краеведческом музее и в книге В.И.Серёгиной «Нарышкино – ушедшее село»

Дикое поле

«Поле дикое», прихопёрное,
Своевольное, неужённое.
Пораскинулось средь лесов густых,
Средь озёр лесных да холмов крутых.
Во реке Хопре рыба бесится
И зверьё в лесах не уместится.
Солнце ясное над дубравами
Православных людей любит-радует.

Власть зовёт наш край «буйным логовом»,
Будто здесь повсюду разбойники,
Будто всё здесь пропитано Мороком
И все гости – сплошные покойники.
Только всё не так – всё обратное.
Мы живём здесь законами пращуров:
Чтим Велеса родимого, знатного,
Несём Макоши благодарности.

Нам не ведомы страсти злотые,
Не прельщают нас распри и войны,
Но богатства свои природные
Мы покажем лишь только достойным.
Приходи ты к нам с миром по чести,
Примем, как любимого родича.
Ведь мы – Русы единого отчества.
Как не глянь, отовсюду Сварожичи.

Свой

Несвойственная весне тишина не тревожила. Хотя он и сидел возле лесного озера довольно-таки долго, пустынное молчание заметил только что.

– Странно как! – удивился он, и мысль показалась самым громким звуком, чуть ли не криком.

Он повертел головой, словно опасаясь чего-то. Всё было спокойно. Конь, прошагавший с ним немало вёрст от самого Оренбурга, мирно пережёвывал траву. Замерли, как на посту, тополя. Ни пения птиц, такого привычного в эту пору, ни шелеста листьев. Не было ветра и там, высоко, в небесном озере, раскинувшемся над ним в обрамлении зелёной листвы. Даже облако-рыба замерло в этом озере у дальнего дубового берега.

Всё – нет, не замерло – совершало вместе с ним переход из одного состояния в другое: прежнее умирало и зарождалась новая жизнь с иными надеждами, радостями, победами. А прошлое будет маячить сиротливой тенью на околице памяти. Прошрое, овеванное риском, куражом, оставившее кровавые следы на судьбе страны. Прошрое бурное, неуёмное, связанное с казачьей жизнью-вольницей. Прошрое, озарённое нежными, тихими глазами матушки и суровым, вытесанным из камня лицом отца на фоне степи и Яика.

Тишина была таинственной и бесконечно спокойной. Зацепившись за первую мысль о себе, она не отпускала, вливалась густым киселём, растворяла в себе. Он и сам не заметил, как скоро проникся тишиной и сейчас каждой частичкой чувствовал окружающий мир.

Так, наверное, и происходит рождение?

Далёкий треск сухой ветки толкнул его, вернул в реальность, словно залп пушки, разорвав мир тишины и покоя. Мужик, озираясь, вскочил на ноги, быстро, но по-кошачьи тихо, подошёл к коню и, взяв под уздцы, так же тихо скрылся в зарослях ивняка.

Он до поры не желал ни с кем встречаться.

2

Развесё-о-олый базар!

Эй, купец, кажи товар!..

Базарная площадь шумела, кишела, как рыба в садке, торговалась разными голосами и наречиями, пестрела товарами. Вдоль рядов шёл, не спеша, невесёлый, рослый мужик с ровной окладистой бородой, которая говорила о недавнем посещении цирюльника. Белая праздничная косоворотка, опоясанная тонкой, яркой лентой, выдавала в нём «мужика при коше», что в какой-то степени было правдой.

После семи лет дружбы он расстался с вороним конём. Тяжёлый шаг, мучительный поступок, но принятое решение прекратить скитания принуждало к этому. На первую пору нужны были деньги, а за коня, тем более доброго, на базаре можно взять приличную сумму.

Сёдла, уздечки, вожжи... По привычке тянуло сюда. Не мог он признать, что нет больше с ним верного друга. Больно было. Он останавливался у очередного лотка, с нежностью брал какую-нибудь часть упряжи, долго и тщательно рассматривал. В душе загорался огонёк интереса, но летним ливнем мысль о безлошадности гасила его.

– Всё, теперь сызнова. А Бурана, дорогого друга, верну обязательно! – с этим решением он поворачивался к церкви, – Ей Богу, верну!

Намереваясь отдалиться от тяжести дум, он присел в тени раскидистого клёна неподалёку от каменного лабаза и стал рассматривать участников торжища.

Кого только не было на базаре, походившим по размаху, атмосфере на хорошую ярмарку. Из оающего, акающего, распевного моря русских голосов то тут, то там ярко или приглушённо

вырывались, как рыбы, мордовская речь, татарский разговор, знакомые ему по походам с Емельяном Ивановичем.

– Пётр третий, Пётр третий. Покатили Петю в клетки, – долетел до него скомороший запев, напомнив о разгульном прошлом.

Именно тогда, около шести лет назад, проезжая в одном из отрядов Пугачёва⁸ по берегу Хопра, он впервые оказался здесь. Нет, они не стали грабить местных, узнав, что нигде рядом нет «Катиных солдат», ушли дальше. Его привлекли красота и уют этой земли. Только не в Бекове, как звалось это село, он хотел остановиться – здесьлюдно и шумно, а вот соседнее Юшино было по нему.

Иногда в краткие моменты без битв и кутежей он представлял, как заживёт большой семьёй в светлой избе на берегу одного из здешних озёр. В отличие от собратьев-казаков он на ту пору, да и сейчас, не был обременён семьёй. Родители померли друг за другом незадолго до появления «государя Петра третьего». Он до встречи с этим краем никогда всерьёз и не помышлял об уходе из родного урочища, да вон как дело обернулось.

Проскитавшись, дабы замести следы, шесть лет по небольшим хуторкам, зимовьям, он решился заявиться в Юшино. Неподальку отсюда было запрятано кое-какое золотишко от походов. Посвятив две недели поискам «заветного дуба», и не найдя его, с появлением в селе медлить более не стал.

3

Улица представляла собой ряд срубовых, в большинстве крытых соломой, домов, рядом с которыми, вдоль наезженной пыльной дороги, стояли такие же деревянные амбары и сараи. Он подошёл к заменяющему изгородь подобию плетня из тонких веток яблони и ветлы.

– Свет вашему дому!

Из-за избы вышел хозяин, яркий представитель тех, о которых говорят: «косая сажень в плечах».

– День добрый. Мы ничего не купляем, – хозяин дома остановился в нескольких шагах от него.

– Дайте водицы испить, – он предполагал завязать разговор и разузнать о местных устоях и возможности поселиться тут.

«Косая сажень» оказался необщительным: молча подошёл к входной двери дома, зачерпнул из, стоявшего у завалинки, ведра воду, вернулся, подойдя на расстояние вытянутой руки, и, не проронив ни звука, протянул ковш.

– Всё? – спросил у напившегося путника, и, увидев положительный кивок, пошёл вглубь двора, не забрав посуду.

«Кулугур», – решил путник. Он не удивлялся и не осуждал такое поведение. Староверы жили замкнуто, не совались в дела соседей и сами гостей не привечали. Много их встречалось на его пути по Дону и Хопру, на Волге и Яике. В его родном урочище проживало несколько старообрядческих семей. Они жили замкнуто, даже в кругу единомышленников никогда не шумели.

Четырнадцатилетним парнем он хотел приударить за чернобровой красавицей из такой семьи, ежедневно нарочно проходил-проезжал возле её двора. Однажды даже заговорил, пригласив на вечерку, но серьёзный молчаливый взгляд красавицы ледяным пламенем оттолкнул его.

«Эх, было времечко!» – с улыбкой вздохнул он, сидя на бревне возле покосившегося амбарчика.

– Здорово, паря! – от ближайшего дома к нему подходил, опираясь на клюку, седой сгорбившийся старичок, – Чьих будешь?

⁸ Емельян Иванович Пугачёв – донской казак, предводитель народной войны 1773 – 1775 годов.

– Здравствуй, отец, – он встал с бревна, поклонился, – Да вот, родных ищу с Воронежа. Старичок присел.

– Тя звать-то как?

– Митрофан. Митрофан... – он запнулся. Стоило ли называть фамилию?

– Так чьих будешь, Митофан? – переспросил дед.

Была не была:

– Пугачёв.

– Уж не Емелькин ли сродник? – как-то по-свойски назвав недавнего героя, спросил старик, – Как же наслыханы. Да нет у нас такого.

– Нет, не его, – выстрелом ответил Митрофан.

– А я дед Панкрат. Чаво сидеть у порога? – старичок, оперевшись на палку, встал, – Пойдём в избу, там скажешь откель ты, к каким сродникам...

Митрофану показалось, что шли они этот десяток саженей очень долго. Старичок то и дело останавливался, что-то поправлял у тына, окольцовывающего амбар, у завалинки дома, словно нянька, знающий, где должно находиться расшалившееся дитё; то здесь, то там замечал и выдёргивал сорную травинку. Возле дома дед Панкрат, остановившись, стал что-то рассматривать в дали.

– Митька! – крикнул он кому-то невидимому, – Зайди ко мне на чарочку.

Обернулся к Митрофану:

– Скажешься пока моим племянником с Воронежа. Мол, батя вольну получил, за что не ведаешь. А сам, мол, на базар приезжал, да не узнал, что хотел, решил остаться.

Старичок хитро прищурился:

– Не бойсь, паря, – вошёл, кряхтя, в избу. Гость последовал за ним, сильно согнувшись, чтобы не почесать притолокой голову.

Внутри из-за недостатка света изба казалась ещё меньше, чем снаружи. Низкий потолок, маленькие окошки, стены, две лавки вдоль глухой стены, стол – всё цвета познавшего время дерева. И, хотя очень заметно отсутствие женской руки, всё же это дом, уютный, сроднившийся с хозяином, всеми признаками похожий на него, словно на брата.

Дед Панкрат растворился в закуте за «печой», как он назвал кирпичную добротную печь, явную хозяйку избы. Митрофан присел на табурет у окна и под шуршание и звон, выползающие из закута, оглядел единственное помещение дома. Чашки и плошки дружно расположились возле печки. «Хозяйка обязательно отделила свой угол занавеской», – подумал гость. Неподальку от печки стоял массивный сундук, накрытый тулупом. Возле Митрофана, говоря, что здесь проводит основное время хозяин, лежали на полу и полках различного размера колодки, резак. По стенам висели пары лаптей. Как и думал гость, заметив во дворе у избыной стены корыто с вымачиваемым лыком, дед Панкрат промышлял плетением обуви. Митрофан посмотрел в невероятно чистое окошко и увидел место своей встречи со старичком: «Вот отсюда он меня и углядел».

– Осматриваешься? – Панкрат вышел из закута с бутылкой, – Правильно. Поживёшь пока у меня. Про себя особо-то не хвались. И с Митькой осторожней. Говорить сам стану. Сиди слухай.

В сенях послышались шаги.

– Пугачёв, значит? Что ж оставайся Пугачёвым.

Вошёл Митька, тощий то ли парень, то ли мужик. Весь какой-то суетливый, дёрганный, рядом с Панкратом разнился, как день с ночью.

– Здорово, дед! Чаво звал?

– Да вот, племянник заглянул, поклон от брательника привёз. Отчего, думаю, соседа на свою радость не позвать?

– Как величать, паря? – Митька сел за стол.

– Митрофан Никитич, – подсел к столу и Панкратов гость.

– Зачем к нам? – протараторил Митька.

– Да, лошадей посмотреть на базаре, – ответил дед, – прицениться, можа и купить.

Так завязался разговор. Налив по стаканчику, Панкрат больше не трогал бутылку. Она стояла возле чашки с солёными огурцами, притягивая Митькин взгляд. Как ни старался Митька разузнать о госте подробности, дед Панкрат всё время уводил разговор, расспрашивая о делах на селе, да у соседнего барина, пока не оборвал посиделки:

– Ша! Пора за дела. Забирай, Митька, чё осталось, – он кивнул на бутылку, – да ступай.

4

Уже неделю жил Митрофан в Юшино. Хотя отчего в Юшино? Как рассказал дед Панкрат, у села имеются и иные имена: по церкви оно было Богоявленским, а некоторые из селян звали его Нарышкином. Самым интересным и успокаивающим для него было то, что состояло село преимущественно из беглых.

– Кругом лихо – возле батюшки тихо, – любит повторять Седой Мирон, сидя на крутом берегу Чёрного озера.

С ним Митрофан познакомился, когда на третий день ходил рыбачить. Вокруг села достаточно озёр, но от избы Панкрата Чёрное ближайшее. Седой Мирон тоже жил неподалёку в большой семье, состоящей из семьи младшего сына Ивана и семьи внука Тараса. Две добротные избы, прикрываемые с луговины длинным хлебом, красовались на улице Подбеково резными наличниками и деревянными крышами. Право слово, хоромы!

Уважали односельчане Седого Мирона, часто приходили за советом по плотницкому делу. В те годы, когда были у мастера и силы, и зрение, а лет в разы меньше, Мирон слыл в Юшино первым плотником. Обучил мастерству детей своих и внуков, а сейчас, как говорят в народе, жил у Христа за пазухой. Каждый погожий день приходил он на озеро и сидел до темна в окружении ребятишек, рассказывая то ли были, то ли выдумку.

– Намедни рубили Селивану Бондарю избу. Путный лес припас для дома Селиван, ровный. Батька-то у него с самим лесовиком знался и сыну, знамо, Сельке-то наказывал: «По ягоды-грибы идёшь в лес, завсегда уважение лесовику окажи, поклонись хозяину. Он тя и обогреет, и насытит».

Когда заводил Мирон речь про лес, а делал он это часто, всегда смолкнет на некоторое время, посмотрит за озеро, словно мысленно спросит разрешение на рассказ у своего кормильца, и продолжит:

– Лесовик он такой. Давеча Мишаниха пошла корову искать, так лесовик её водил вокруг-около. А с чего? С того, что Мишаниха – не баба, мужик. Она до вдовства была не угомонишь, а как Ивана схоронила, так вообще края потеряла. Разе бабье дело сенокос? Мишаниха говорит: «Бабье». Ни в чём от сыновей не отстаёт. Хех, – Мирон усмехнулся, – Баба в портах...

Он беззвучно рассмеялся, тряхнув седой головой.

– Была у Степана Тимофеича⁹ такая. Спуску мужикам не давала. Где-то под Пензой али под Темниковым сожгли её. Где это видано, чтобы баба поперёк мужика? А ты, внучок, не бойсь, – он гладит сидящего возле него мальчугана, – не бойсь. Оно ведь как? На печи волю не увидишь. А воля, она для казака – первейшее дело. Вот Тимоня мой – так звал он старшего сына – и хозяйственный, и семьёй оброс до внучат, а всё одно: выйдет в поле, свистнет-крикнет – весь Хопёр слышит. Скажешь, дурь? Э, нет. Душа широкая, казачья. Моя душа! А петь начнёт?!

Седой Мирон опять замолкал и сидел, словно слушал далёкую, одному ему доступную песню сына, несколько лет назад умершего.

⁹ Степан Тимофеевич Разин – донской казак, атаман, предводитель народной войны 1670 – 1671 годов.

– Помню, церкву строили. Князь велел завод кирпичный сделать, ибо для церкви особый – Мирон выделил слово – кирпич надобен. Чай не печку класть! Мастера приезжали. Один у меня жил. Я его спрашиваю: Скажи... Как же его звали? Скажи мне, разве в Москве лучше, чем у нас? Улыбается: везде хорошо. Вот и я тебе о том же. Где я тока не был: и на Дону, и на Волге, и море видал, а всё же везде хорошо. Ру-усь!

Мирон оглядывал окрестность, и лицо, милое и источающее свет добра, преображалось. Ничего не видящие, глаза становились мокрыми от счастья, а где-то под густой бородой растекалась и застывала улыбка.

– Дедушка, расскажи о Юшино, – попросил в тот день Митрофан.

– Не знаю, как Юшино. А вот када я сюды прибилси, жили здесь люди, и звалось село наше Богоявленским. Вольные! Слышал пади: С Дона выдачи нет! Так и с Хопра никого не сдают. А с Абрамом Климентичем тада сговорились: он о нас никому, а мы мзду ему, кто какую.¹⁰ Так и живём. Оно, можа, и Юшино али Богоявленское – всё одно покойно. Ты вот, сынок, чей будешь? Молчишь? А я знаю. Наш ты. Наш! Чужих эта земля не примет, оттолкнёт. Оттого не всякому здесь любо. А нам хорошо.

5

Что хорошо, чувствовал и Митрофан, и уже не хотелось прежней разудалости, хотя можно было и к разбойникам в лес податься, и по реке спуститься, примкнуть к какой казачьей братии. Но что-то подсказывало ему: здесь твоё счастье, здесь твоя правда. И то верно. Разве не о такой жизни говорили старшие братаны Илейка с Васей, когда взалёб рассказывали о предстоящих походах с Емельяном Ивановичем?

– Живи, Митрофан, – говорит дед Панкрат, – К людям с ентиресом не лезь, и они тебя шибко не тронут. Гляди сам, чем займёся. Хоша зверя бей, а то мож и землю пахать. Староста обещался зайти, ему и скажешь, чем будешь пригож. Ты старосту особливо не пужайси. Он мужик толковый, даром, что шишка. Сговоримси. Он-то об тебе знает уж.

– От Митьки?

– От кого ж? От него. Глаза и уши Фёдрыча.

Но встреча со старостой произошла на улице. В тот день Митрофан ходил за тростником для крыши – всё же не упырём жить. Навьючив на себя большущую вязанку, шёл он вдоль улицы, когда подъехал на телеге староста.

– Садись, Митрофан, потолкуем, да подвезу немного. Крышу с Панкратом латать собрались?

– Добрый день, Борис Фёдрч, – Митрофан здешнего старосту видел впервые, но сразу понял, что это он.

– Вот и ты, оказывается, со мной знаком. Это хорошо, меньше болтовни. Значит так. Мне всё равно, что у тебя за спиной: какие дела, кто хозяин. Раз сюда пришёл и хошь здесь остаться, живи по-нашему. Коли станешь озорничать, то обиду держи на себя.

Староста строго взглянул на Митрофана, перевёл взгляд на крепкие руки, держащиеся за край телеги.

– Надеюсь, понял. И ещё, государевым тебя не сдам, Сазанья у себя не позволю; но и ты, будь любезен, пользу неси. Надумал, чем заниматься будешь? В поле народ нужён. Али ты из мастеровых? – староста вновь посмотрел на руки попутчика.

– Да вот думал промыслом заняться. Панкрат говорил, можно на зверя. И старику лыко нужно.

¹⁰ Здесь дед Мирон немного путает по-старости лет. Богоявленским село стало писаться в епархиальных и светских документах только после постройки в селе церкви. До этого же именовалось Юшино, либо Юшин посёлок. Годом основания села считается 1705, но определённо шли сюда люди и раньше переселения крестьян во главе с Авраамом Климентьевичем Марковым-Юшиным. – авт.

– Что ж зверя, так зверя. Сходи на Подозеро... Знаешь где?

Митрофан положительно кивнул.

– Там спросишь Леску. Он всё растолкует. Панкрату здоровья передавай.

Они подъехали к дедовой избе.

– Слазь. Приехали.

Митрофан снял поклажу, и проводил взглядом отъезжающего старосту.

– Сазанье, – он задумался. Что-то недоброе проскочило в голосе Фёдорыча, когда он упомянул об этом, – Сазанье. При случае нужно поспрошать.

6

Июньская ночь в деревне роскошна. В глубине залитого сверчками воздуха где-то в лесу удивляется филин. Силуэты освещённых луной деревьев являют сказочные причудливые формы. Полная луна, словно купальский костёр, собрала в тёмном поле звёзды. По бледному сияющему диску изредка проходят то ли облака, то ли тени участников праздника.

Нежная, ласкающая прохлада дарует изнурённому жарой телу наслаждение. Летние дни полны забот и трудов. Короткую, но от этого ещё более ценную, передышку даёт крестьянину ночь. Только ночной покой не для молодых-неженатых, тем более в купальскую пору.

– Чаво сидишь бусурманином? – Панкрат заметил возле сарая любующегося небом Митрофана. – Ступай-ка к молодым, неча стариковы кости охранять. Ступай. Мож и глянешь каку?

Митрофан поднялся. Идти никуда не хотелось, но дед не отстанет. Вышел на улицу. За околицей висело зарево праздничного костра. Со стороны появилась звенящая, переливающаяся девичьим смехом ватага. Слово за слово, компания увлекла Митрофана с собой. Праздники на селе общие.

Межсезонные и зимние противостояния улице на улице летом отменялись. Короткое время для отдыха заполнять кулаками – не дело. На это и зима есть.

Пять озёр возле Нарышкино. Пять полных рыбой водоёмов. Четыре – потомки прежнего русла Хопра. Нашла себе река ложбину поудобнее, а людям оставила память. Между улицами Воробьёвка и Подбеково разлеглось иное озеро. Несчастливое, можно сказать. Пугали им местных ребятишек, рассказывая про утопленников. За Еланкой раскинулось болото. Неразрывно связана жизнь нарышей с водой. Почитай каждый селянин с юных лет занимается рыбалкой. А Купала для этих селян родной.

Широко разбежался праздник по луговине – от леса до Кривого озера. Недалеко от берега бросает языки в ночное небо большой костёр. Да и не пламя это вовсе, а дорога, на одном конце которой водят хоровод люди, а на другом звёзды.

– Со व्यюном хожу, да со व्यюном хожу.

Я не знаю, куда व्यюн положить

Я не знаю, куда व्यюн положить.

Положу я व्यюн, да положу я व्यюн...

Не успел Митрофан подойти, как хоровод увлёк его в полёте весёлого гулянья окольцовывать костёр.

– Положу я व्यюн на правое плечо,

Положу я व्यюн на правое плечо.

А со правого, да а со правого,

А со правого на лево положу.,

А со правого на лево положу.

Я ко молодцу, да я ко молодцу,

Я ко молодцу иду, иду, иду...¹¹

¹¹ Народная купальская песня

От игр, танцев, бесконечного мелькания лиц закружилась голова. Он отошёл от костра в сторону озера и опрокинулся в высокую траву. Звёзды, звёзды, звёзды... Глядя в ночное небо, казалось, что это они, а не люди у костра разговаривают и поют.

– Ой, на Ивана,

Ой, на Купала...¹²

Летел Митрофан, летел над землёй, над жизнью своей. Было ему легко и просторно. Ни тягостных мыслей, ни забот обустройства.

Хорошо-о!

В деревне проснулись петухи, прокричав об этом на всю округу. Словно получив от них сигнал, с только что чистого неба упал ливень. Луговина пуще прежнего залилась весёлыми песнями, теперь уже славящими дождь, так как каждый знал: «На Купалу дождь – жатва посуху». Сияние зари напомнило о хозяйственных делах. Под песни и прибаутки расходились по домам.

7

Звали Леску Петром. Как оказалось, был он старшим братом Митьки, да и внешне похож на него: тот же с небольшой горбинкой нос, тонкие губы. Те же озорные глаза, только трезвые. Не было у Петра Митькиной суеты-бестолковицы – собранный, рассудительный, даже медлительный что ли. Серая холщовая рубаша, висевшая на нём мешком, скрывала телосложение, но чувствовалась надёжность, исходившая от Петра.

Они ходили по лесу. Леска то останавливался, засмотревшись на ветки, то отходил в сторону, что-то проверяя. Разговаривали мало, слушали лес, который, не замечая их, звучал многоголосной деятельной жизнью. Звенели кузнечики. Над ними плыла, переливаясь, песня дрозда. Звал кого-то, посвистывая, зяблик. Пётр шёпотом указывал солирующего. Кукушку Митрофан узнал сам. Она была далеко, и её голос в толще леса казался махровым.

Вдруг с краю от тропинки поднялся переполох: зашевелились кусты, вздрогнули и закачались нижние ветви ольхи.

– Вот ведь. Зайца с белкой спугнули мы с тобой, Митроха, – Леска, улыбаясь, смотрел в густую листву.

Не спеша дошли до реки. Сели на высоком берегу. Красота – не то слово для описания открывшейся благодати. Яркое солнце разливало свой свет на малахит леса, на чешуйчатую от ряби реку, на весь бескрайний, спокойный мир. Хотелось дышать глубоко, бесконечно долго, упиваясь покоем и неземной любовью русской природы.

¹² Народная купальская песня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.